

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – С. 270-282.
УДК: 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ДЕТОУБИЙЦЫ

Шевченко А. В.

Министерство внутренних дел Российской Федерации по Республике Крым

В статье констатируется, что личность детоубийцы наряду с личностью преступника является одной из ключевых категорий криминологии. По результатам изучения материалов уголовных дел установлен ряд социально-демографических, морально-психологических и уголовно-правовых признаков, характеризующих личность детоубийцы. Автор выделяет специфические признаки, свойственные детоубийцам ввиду воздействия ряда социально-экономических, психологических и других факторов. Указанные доводы подтверждаются данными проведенного эмпирического исследования. Установлено, что правоприменительная практика зачастую игнорирует криминологически значимую информацию морально-психологического характера. Кроме того, в 70% случаев квалификации деяния по ст. 106 УК РФ факт совершения преступления в условиях психотравмирующей ситуации не устанавливается и в процессуальных документах не отражается. На основании полученных сведений сделан вывод о неэффективности применения мер по условно-досрочному освобождению детоубийц от наказания (82,9% указанных лиц повторно совершают детоубийства). Анализ данных проведенного исследования позволил вывести общую криминологическую характеристику личности детоубийцы.

Ключевые слова: детоубийство, личность детоубийцы, структура личности детоубийцы, мотив преступления.

Личность преступника является ключевой категорией в криминологии. Её изучение требует комплексного подхода. Как отметил Герцезон А. А., «изучение личности преступника – это частный случай изучения человека в обществе» [1, с. 139]. Умышленное преступление, с точки зрения поведенческих реакций, представляет собой акт волеизъявления конкретного лица. Причины же выбора такого «варианта поведения» обусловлены рядом факторов – свойств и качеств индивида, а также конкретной жизненной ситуацией, при которой они находят свое «выражение». Природа их различна. Это и социальные, и биологические, и психологические характеристики. Таким образом, изучение личности преступника требует комплексного подхода. В научной литературе по данному поводу отмечено, что личность преступника раскрывается через социальную сущность лица, а также сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными факторами, лежащими в основе преступного поведения [2, с. 89-90]. При этом все чаще высказывается мнение о важности биологических факторов в структуре личности и формировании преступного поведения. Авторы акцентируют внимание на биофизиологической составляющей личности преступника [3, с. 84-92; 4, с. 7], а также считают целесообразным перейти к изучению биологических составляющих причин преступности, что расширит понимание самого преступника и его действий [5, с. 25-32]. По данному поводу Игнатов А. Н. отмечает, что «сегодняшняя реальность диктует необхо-

димось, не ударяясь ни в «вульгарное биологизаторство», ни в «социологизацию» (в несостоятельности которых нас убеждает развитие человечества), активизировать исследование эндогенных биологических факторов детерминации преступного поведения и факторов окружающей биологической природной среды в контексте установления связи и закономерностей их влияния на крайне девиантные проявления поведения индивида, в также изучение механизма и процесса их (факторов) взаимодействия» [6, с. 230].

В науке существует позиция, согласно которой в структуре личности преступника необходимо изучать «социологические, психологические, правовые, медицинские (в первую очередь психиатрические) и другие аспекты». При этом делается акцент на «недопустимость социологизации и психологизации (тем более биологизации) личности преступника»; указанные характеристики постоянно взаимодействуют и должны использоваться в единстве [7, с. 48-49].

Ученые отмечают, что вопрос соотношения социального и биологического в личности преступника имеет важное значение [8; 9, с. 65]. При этом Бурлаков В. Н. делает акцент на выделение в структуре личности преступника следующих элементов: «социального статуса (пол, возраст, семейное положение, уровень образования, социальное положение и т.п.), социальных функций (характеристики социального статуса в реальной деятельности), нравственно-психологических установок (отношение к нормам морали, гражданским обязанностям и правовым нормам), правового статуса (признаки, характеризующие человека в качестве правонарушителя: привлекался к правовой ответственности, является рецидивистом, профессиональным преступником, совершил преступление по низменным мотивам)» [8].

Кузнецова Н. Ф. указывает на «диалектическое единство социального и психологического в личности преступника», выделяя следующие обязательные для изучения характеристики: социально-демографическую (пол, возраст, социальное положение, место жительства, образ жизни, гражданство, национальность, психическое и физическое здоровье); социально-ролевую (характеристика как преступника, как работника/учащегося, как члена семьи и т.д.); социально-психологическую (правовая психология: отношение к содеянному, к жертве, к уголовному закону и т.д.; трудовая психология: трудолюбив/ленив, как оценивает труд; экономическая психология: готов зарабывать любым путем, в т.ч. криминальным, считает, что материальные блага – основная ценность и т.п.) [10, с. 44-56].

Также существует точка зрения, согласно которой в структуре личности преступника следует выделять социально-демографические, уголовно-правовые, нравственно-психологические, социально-ролевые и другие признаки [11].

Таким образом, в науке уголовного права сформировался комплексный, системный подход к изучению личности преступника. Указанное обусловлено многогранностью природы человека и многообразием внешних факторов, оказывающих на него воздействие, и заслуживает внимания в процессе изучения личности преступника.

По результатам проведенного и следования, на основании изучения материалов 585 уголовных дел за период с 2009 по 2019 годы в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка), п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (Убийство малолетнего), ч. 1 ст. 105 УК РФ (Убийство – отобраны случаи убийства лиц в возрасте от 14 до 18 лет), установле-

ны три группы признаков, характеризующих личность детоубийцы: социально-демографические, морально-психологические и уголовно-правовые.

Теория криминологии определяет социально-демографическую составляющую через такие признаки личности, как пол, возраст, образование, социальное положение, род занятий, уровень материальной обеспеченности, национальную и профессиональную принадлежность, семейное положение и прочее [12, с. 83].

Пол и возраст преступника. Относительно пола преступника в структуре детоубийств наблюдается разделение. Убийства матерью новорожденного в 100% случаев совершаются лицами женского пола. Убийства малолетних и несовершеннолетних – преимущественно мужского (87,1%). Возраст определяет круг интересов и потребностей человека, его социальную активность. Бафия Е. вывел закономерность, согласно которой «наибольшая активность роста преступности соразмерна со степенью зрелости человека, его участия в общественной жизни» [13, с. 49]. По результатам проведенного исследования установлено, что возраст детоубийц отличается в зависимости от вида преступления. Так, убийства матерью новорожденного совершаются лицами в возрасте от 18 до 25 лет – 38,7%; от 25 до 30 лет – 37,7%; от 30 до 39 лет – 18,6%; до 18 лет – 4,9%. Убийства малолетних – лицами в возрасте от 30 до 39 лет – 49%; от 25 до 30 лет – 18,5%; от 40 до 49 лет – 18,2%; от 18 до 25 лет – 9,4%; от 50 до 59 лет – 3,5%; до 18 лет – 1,4%. Для убийц несовершеннолетних характерен следующий возрастной диапазон: от 30 до 39 лет – 40%; от 25 до 30 лет – 23,1%; от 40 до 49 лет – 23,1%; от 18 до 25 лет – 11,5%; старше 60 лет – 1,5%; от 50 до 59 лет – 0,8%. Таким образом, детоубийства преимущественно совершаются лицами в возрасте от 25 до 39 лет (62,3%). При этом в возрасте от 30 до 39 лет совершают преступления 35,9% лиц, от 25 до 30 лет – 26,4%.

Социальные роли преступника дают представление о его личности в системе отношений реальной действительности. Так, социальная роль определяет поведение человека, позицию, которую он занимает в обществе; характеризует человека через призму предъявляемых требований [14, с. 433-434]. Это и отношения в семье, в которой вырос преступник (особенности воспитания), и образовательный уровень, и социальный статус с соответствующим уровнем достатка, наличие семейных уз и отношения в созданной преступником семье и многое другое. Семья и процессы, происходящие в рамках семейных отношений, являются отправной точкой, «главным звеном» причин преступного поведения. Важное значение имеет характер отношений между детьми и родителями. Так, отсутствие эмоционального контакта с ребенком наряду с жестоким отношением, является причиной преступного поведения в последующем/ При этом установлена закономерность совершения в отношении детей насильственных действий взрослыми членами семьи, которые в детстве подвергались жестокому отношению со стороны родителей [15, с. 51, 54-81].

По результатам проведенного исследования относительно лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 106 УК РФ, установлено следующее. Жестокости и насилию в процессе воспитания подвергалось 39,5%. В условиях гипопеки росло 49%. 5,5% воспитывалось в строгости, 2% в условиях гиперопеки, 1,5% в любви и уважении. В отношении 2,5% лиц информации об условиях воспитания приговоры судов не содержат. Относительно воспитания лиц, совер-

шивших убийства малолетних, установлено следующее: подвергались жестокости и насилию - 65,7%, росли в условиях гипоопеки – 18,7%; подвергались строгому воспитанию – 6,5%; росли в уважении и любви – 2,6%; росли в условиях гиперопеки – 0,9% и в 5,7% случаев в материалах уголовных дел отсутствуют сведения об условиях и особенностях воспитания преступника. Условия воспитания убийц несовершеннолетних состоят в следующем: подвергались жестокости и насилию - 63%, подвергались строгому воспитанию – 12,6%; росли в условиях гипоопеки – 11,1%; росли в уважении и любви – 5,2%; росли в условиях гиперопеки – 2,2% и в 5,9% случаев в материалах уголовных дел отсутствуют сведения об условиях и особенностях воспитания преступника. Таким образом, для детоубийц характерным является стиль воспитания, который заключается в жестокости и насилие (56,1%), гипоопеке (26,3%) и строгости (8,2%). Также следует обратить внимание, что в 4,7% случаев в материалах уголовных дел сведения об особенностях воспитания отсутствуют, в результате чего криминологически значимая информация остается вне поля зрения правоприменителей. Данный показатель носит достаточно информативный характер, подлежит установлению и отражению в процессуальных документах.

Следующим этапом социализации является *получение образования*, которое формирует мировоззрение и устремления человека, определяет круг его интересов и ценностей. Для матерей-убийц новорожденных характерен следующий образовательный уровень: средняя школа – 52%, средне-специальное образование – 42%, начальная школа – 5%, неоконченное высшее образование – 1%. Образовательный уровень убийц малолетних таков: средне-специальное образование – 55,2%, средняя школа – 31,5%, высшее образование – 5,6%, начальная школа – 4,9%, неоконченное высшее образование – 2,8%. Образовательный уровень убийц несовершеннолетних, согласно данным проведенного исследования, следующий: среднее специальное образование – 55,6%, средняя школа – 37%, начальная школа – 5,9%, высшее образование – 0,7%, неоконченное высшее образование – 0,7%. С учетом изложенного, детоубийцы – это люди с невысоким уровнем образования (средне-специальное образование – 50,9%, среднее образование 40,2%).

Образовательный уровень также определяет социальный статус и достаток. Для матерей-убийц новорожденных характерно следующее положение в рамках «социальной лестницы»: не работают и не учатся – 65%, рабочие – 33,5%, студенты – 1%. Социальный статус убийц малолетних следующий: не работают и не учатся – 64%, рабочие – 26,1%, служащие – 6,7%, пенсионеры – 3,2%. Социальный статус убийц несовершеннолетних характеризуется следующими показателями: не работают и не учатся – 57,8%, рабочие – 34,1%, служащие – 5,9%, пенсионеры – 2,2%. Таким образом, детоубийцы – это люди с низкой социальной адаптацией, в основном не занятые социально полезным трудом: не работают и не учатся (62,4%) и, как следствие, имеющие низкий уровень достатка: ниже прожиточного уровня – 63,5%, низкий уровень достатка – 33,2%, средний достаток – 3,1%, высокий достаток – 0,2%.

Семейное положение преступника, как демонстрируют данные эмпирического исследования, также имеет ряд особенностей. Так, установлены следующие сведения в отношении матерей-детоубийц: одинокий человек – 49%, одинокая

мать – 31%, в гражданском браке – 11,5%, в браке – 6%, в разводе – 2,5%. Семейное положение убийц малолетних следующее: в гражданском браке – 29,2%, в браке – 28,8%, в разводе – 17,2%, одинокий человек – 12%, одинокая мать – 11,2%, вдовец (вдова) – 1,6%. Семейное положение убийц несовершеннолетних: в гражданском браке – 32,1%, в браке – 34,3%, в разводе – 3,6%, одинокий человек – 28,6%, вдовец (вдова) – 1,4%. Также установлено, что 15,2% детоубийц имеют на иждивении малолетних детей. Анализ изложенного позволяет сделать вывод о том, что, детоубийцы – это преимущественно одинокие люди (29,9%), а также люди, состоящие в гражданском браке (24,3) и браке (23%), 15,2% из которых имеют на иждивении малолетних детей.

Следует отметить, что отличительной особенностью детоубийств является наличие связи между жертвой и преступником, причем в большинстве случаев родственной. В результате изучения эмпирического материала установлено следующее. Убийства матерью новорожденных, что очевидно, в 100% случаев совершаются матерью. Для убийств малолетних характерно совершение преступления отцом – 34,4%, отчимом – 26%, матерью – 12,8%, другими родственниками – 10,4%, малознакомыми лицами – 6,4%, незнакомыми лицами – 5,6%, близким окружением – 4,4%. Для убийств несовершеннолетних характерна следующая структура связей «жертва-преступник»: преступление совершено отцом – 31,1%, отчимом – 26,7%, близким окружением – 18,5%, другими родственниками – 11,9%, матерью – 5,9%, незнакомыми лицами – 3,7%, дедушкой – 2,2%. Таким образом, убийства матерью новорожденных в 100% случаев совершаются матерью. Для убийств малолетних и несовершеннолетних характерно совершение преступления отцом (32,8%) либо лицом, его заменяющим – отчимом (26,4%), а также другими родственниками (11,5%), близким окружением (11,5%), матерью (9,4%), незнакомыми и мало знакомыми лицами (4,7% и 3,2% соответственно), дедушками (1,1%).

Следующей составляющей личности преступника является *морально-психологическая*, которая тесно связана с социально-демографическими свойствами личности. Антонян Ю. М. отметил, что «личность преступника отличается от законопослушной личности асоциальным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и является специфическим именно для преступников». При этом автор указывает, что «моральные особенности личности складываются под влиянием тех социальных отношений, в которых был включен индивид, то есть имеют социальное происхождение» [16, с. 24]. Морально-психологическая составляющая предусматривает «исследование психических свойств, психологических и морально-ценностных особенностей» [17, с. 321], в том числе «интеллекта, способностей, привычек, потребностей, ценностей, приоритетов, взглядов, отношения к нормам права и морали, социальной патологии (алкоголизм, наркомания)» [18, с. 515].

Следует отметить, что в материалах уголовных дел информация о морально-психологической составляющей личности преступника отражается в указании формы умысла, а также информации о состоянии преступника на момент совершения преступления (трезвый, состояние опьянения: алкогольного, наркотического, иного токсического) и информации о наличии хронических заболеваний

(алкоголизм, наркомания). В данном случае правоприменительная практика, игнорируя один из основополагающих принципов квалификации преступлений (субъективного вменения), исходит из того, что именно эта информация имеет уголовно-правовое значение. При этом квалификация деяния основывается на том, что имеющие уголовно-правовое значение обстоятельства деяния охватывались сознанием лица, его совершившего [19, с. 13]. В процессе квалификации деяния установлению подлежит не только вина, но и отношение виновного к объекту и предмету преступления, потерпевшему, самому деянию, его последствиям, обстоятельствам совершения, мотивы и цели, которые преследовал преступник и т.д. Таким образом, криминологически значимая информация морально-психологического характера зачастую игнорируется или же вообще не устанавливается. Очевидно, что Уголовный закон не может содержать всех признаков субъективной стороны ввиду многогранности психической природы человека. Установление этих признаков подлежит в процессе правоприменительной практики и индивидуально в каждой конкретной ситуации. Также следует помнить, что установление указанных признаков в последующем влияет на характер и вид применяемых мер уголовно-правового воздействия.

По результатам проведенного исследования установлена следующая информация морально-психологического характера в структуре личности преступника. Согласно материалам изученных уголовных дел судами отмечается наличие у преступника психотравмирующей ситуации только по делам об убийстве матерью новорожденного, причем только в 30% случаев. Считаем целесообразным обратить внимание на данное обстоятельство, т.к. именно оно является основанием отнесения совершенного деяния к привилегированным составам (квалификации по ст. 106 УК РФ).

Достаточно интересным с точки зрения криминологии остается вопрос, связанный с наличием у преступника психических аномалий. Следует отметить, что психические аномалии сами по себе не являются причиной, однако выступают внутренним условием совершения преступления. Они способствуют формированию так называемых «криминальных качеств»: агрессивность, раздражительность, мнительность, садизм и т.д. Кроме того, психические аномалии становятся барьером на пути к социализации личности: усвоению общественных ценностей, налаживанию взаимоотношений, «включению» в общественные процессы. Также следует отметить, что установлена закономерность между видом психической аномалии и характером преступных действий. Так, для лиц, страдающих хронической алкогольной зависимостью характерно совершение тяжких насильственных преступлений [20, с.23-35, 55-60]. В соответствии с полученными эмпирическими данными у детоубийц в преимущественном большинстве не наблюдаются психических аномалий. Для матерей-убийц новорожденных данный показатель составил 85%, для убийц малолетних – 83%, для убийц несовершеннолетних – 88%. При этом у 15% матерей-детоубийц новорожденных наблюдается наличие хронической зависимости (10,5% - алкогольной и 4,5% - наркотической). Кроме того, установлено, что 12,4% убийц малолетних имеют хроническую алкоголическую зависимость и 4,6% лиц указанной категории имеют хроническую наркотическую зависимость. Также по результатам проведенного исследования установлено, что 8,1% детоубийц несовершеннолетних – хронические алкоголики и 3,7% – хронические наркоманы. С учетом изложенного, дето-

убийцы – это преступники, которые в большинстве своем (85,3%) не имеют психических аномалий. При этом 14,6% указанных лиц имеют хроническую зависимость: 10,3% – алкогольную и 4,3% – наркотическую.

При формировании поведения человека важное значение отводится акцентуации личности, которая может иметь отрицательный потенциал и, соответственно, влиять на детерминацию преступного поведения [21, с. 472]. В данном контексте акцентуации личности можно отнести к аномалиям психики. Однако материалы уголовных дел (в т.ч. соответствующих экспертиз), как установлено в ходе проведенного исследования, не содержат сведений об акцентуациях как характерной черте личности детоубийцы. При этом «учет влияния акцентуаций позволяет глубже изучить характерологические и другие, формирующиеся под их влиянием особенности личности насильственного преступника, изучить мотивы и мотивацию его противоправного поведения и, следовательно, определить наиболее эффективные индивидуально направленные профилактические, уголовно-правовые и другие меры воздействия на него» [21, с. 476].

Целесообразно отметить, что объективные обстоятельства не всегда указывают на особенности поведения человека и определяют их. Поведение всегда избирательно и во многом зависит от внутренней двигательной силы, побуждающей человека к совершению того или иного действия. Применительно к преступному поведению такой двигательной силой выступает мотив совершения преступления. Т.е. мотив объясняет, какими обстоятельствами вызвано совершение преступления; дает возможность понять поведенческую реакцию человека. По результатам проведенного исследования установлено, что мотивом 90% убийств матерью новорожденных выступило желание «избавить себя от лишних забот» и 10% – «избавить себя от страданий» (физических, психических), в т.ч. сострадания к жертве. В случае совершения убийств малолетних распределение мотивов следующее: «избавление себя от лишних забот» – 97%; «благие цели», являющиеся продуктом нездоровой психики – 37,3%; низменные мотивы (злость, ненависть (могут быть адресованы как жертве, так и ее родственникам, близким) – 32,1%; сокрытие другого преступления – 10,8%; корыстный мотив – 10,8%; «избавление себя от страданий» (физических, психических), в т.ч. сострадания к жертве – 5,4%; удовлетворение половой страсти – 5,4%; использование органов и тканей ребенка – 3,1%; религиозная почва – 3,1%. Среди мотивов убийств несовершеннолетних установлены следующие: низменные мотивы (злость, ненависть (могут быть адресованы как жертве, так и ее родственникам, близким) – 39,8%; корыстный мотив – 18,8%; удовлетворение половой страсти – 13,5%; «избавление себя от страданий» (физических, психических), в т.ч. сострадания к жертве – 7,5%; религиозная почва – 7,5%; «избавление себя от лишних забот» – 6%; сокрытие другого преступления – 4,5%; использование органов и тканей ребенка – 2,3%;.

Таким образом, преобладающим мотивом совершения матерью убийства новорожденного, а также совершения убийства малолетнего лица является «избавление себя от лишних забот» 90% и 97% случаев соответственно. При этом ярко выраженными мотивами совершения убийств малолетних лиц также являются «благие цели» как продукт нездоровой психики – 37,3%, а также низменные мотивы (злость, ненависть (адресованные как жертве, так и ее родственникам,

близким) – 32,1%. Также следует отметить, что отличительную особенность в структуре детоубийств имеет мотивационная составляющая убийств несовершеннолетних. Так, основными мотивами совершения указанных преступлений выступают низменные (злость, ненависть (адресованные как жертве, так и ее родственникам, близким) – 39,8%. Кроме того, ярко выраженными являются корыстный мотив – 18,8% и удовлетворение половой страсти – 13,5%.

Еще одной составляющей, характеризующей личность преступника *на стыке морально-психологических и уголовно-правовых признаков*, является особенность формирования умысла. Так, согласно полученным эмпирическим данным, убийства матерью новорожденных в абсолютном большинстве (100%) совершаются внезапно. При этом установлена характерная для них ситуация совершения: женщины на учет по беременности и родам не становились (100%), рожали вне медицинского учреждения (99,5%). Также установлено, что особенность формирования преступного умысла, направленного на совершение убийства малолетнего, заключается в том, что в 66,4% случаев умысел на совершение указанных деяний возникает внезапно и в 33,6% случаев – постепенно. Для убийств несовершеннолетних характерно следующее: в 51,9% случаев умысел на совершение деяния возникает спонтанно, в 48,1% случаев – постепенно. Учитывая изложенное, с точки зрения особенностей формирования преступного умысла, наибольшую общественную опасность представляют убийства малолетних и несовершеннолетних лиц, умысел на совершение которых в 33,6% случаев и в 48,1% случаев соответственно возникает постепенно.

Уголовно-правовые признаки личности преступника дают представление о «степени криминализации» личности преступника, а также о признаках, оказывающих существенное влияние на квалификацию деяния. *Состояние на момент совершения преступления.* Эмпирическим путем установлено, что на момент совершения преступления 96,6% матерей-детоубийц находились в трезвом состоянии. Для убийц малолетних данный показатель составил 53%, для убийц несовершеннолетних – 65,9%. Также следует отметить, что достаточно большое количество детоубийц, в структуре противоправных деяний рассматриваемого вида, на момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения, а именно: 43,5% убийц малолетних и 31,1% убийц несовершеннолетних. Кроме того, 0,5% убийств матерью новорожденного, 2,8% убийств малолетних лиц и 3,7% убийств несовершеннолетних совершены в состоянии наркотического опьянения. Таким образом, детоубийства в 71,8% случаев совершаются в трезвом состоянии. При этом в структуре детоубийств значительная доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, приходится на убийства малолетних (43,5%) и убийства несовершеннолетних (31,1%).

Информация о судимости. Установлено, что в 80% случаев матери-убийцы новорожденных ранее не судимы, в 20% - судимы за ненасильственные преступления. Убийцы малолетних: не судимы – в 70% случаев, судимы за насильственные преступления – в 17,3% случаев и судимы за ненасильственные преступления – в 12,7%. Также установлено, что убийцы несовершеннолетних в 34% случаев ранее не судимы, судимы за насильственные преступления – 34%, судимы за ненасильственные преступления – 32%. Таким образом, большая часть детоубийц (61,3%) ранее не судимы, 21,6% – судимы за ненасильственные преступ-

ления, 17,1% – судимы за насильственные преступления. При этом в структуре детоубийств следует обратить внимание на убийц несовершеннолетних, которые в 66% случаев – это ранее судимые лица, тогда как матери-убийцы новорожденных судимы в 20% случаев, а убийцы малолетних – в 30%.

Также установлено, что в тех случаях, когда детоубийство связано с наличием у преступника до совершения преступления судимости (для убийства матерью новорожденного данный показатель составляет 20%, для убийства малолетнего – 30% и для убийства несовершеннолетних – 66%), из них 45% случаев убийств матерью новорожденного преступления совершены в период времени до 3 лет со дня отбытия преступником последнего наказания, 40% - до 1 года и 15% случаев – от 3 до 5 лет. В случае убийства малолетнего преступления совершаются в следующие временные промежутки с даты отбытия последнего наказания: до 1 года – 46,5%, до 3 лет – 37,2%, от 3 до 5 лет – 11,6%, до 6 мес. – 2,3%, более 5 лет – 2,3%. Для убийства несовершеннолетнего указанные временные промежутки следующие: до 1 года – 40%, до 3 лет – 37%, от 3 до 5 лет – 11,4%, до 3 мес. – 5,7%, до 6 мес. – 5,7%. С учетом изложенного, для большинства детоубийц характерно совершение преступления до 1 года с момента отбытия последнего наказания (42,2%), а также до 3 лет (39,7%) соответственно. Целесообразно выделить такую категорию детоубийц, как убийцы несовершеннолетних, которые в 11,4% случаев совершают преступления в период времени до 6 месяцев после отбытия последнего наказания.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что матери-убийцы новорожденных, ранее судимые за совершение преступлений, в абсолютном большинстве (100%) были освобождены от отбытия наказания условно-досрочно. Для убийц малолетних в 20% случаев характерно освобождение в связи с отбытием наказания, в 80% - условно-досрочное освобождение. Для убийц несовершеннолетних характерно освобождение в связи с отбытием наказания – 31,4%, а также условно-досрочно – 68,6%. Таким образом, из числа ранее судимых детоубийц 17,1% – это лица, которые освобождены в связи с отбытием наказания и 82,9% – условно-досрочно. При этом 76,5% детоубийц признают свою вину и 23,5% отрицают.

Следует отметить, что институт условно-досрочного освобождения имеет значимую социальную функцию: способствует скорейшему исправлению осужденных. Более того, существование такого института положительно влияет на работу всей уголовно-исполнительной системы, демонстрируя обществу, что основная функция наказания не кара, а именно исправление и ресоциализация осужденных. С учетом полученных эмпирических данных, очевидно, что в случае с детоубийствами институт условно-досрочного освобождения от наказания своей функции не выполняют. Указанные результаты следует учитывать в процессе правоприменительной практики при назначении наказаний, что станет одной из предупредительных мер повторного совершения детоубийств.

По результатам анализа эмпирических данных, полученных в процессе исследования, относительно криминологической характеристики личности детоубийцы установлено следующее.

Детоубийца – это мужчина в возрасте от 25 до 39 лет, с невысоким уровнем образования и низкой социальной адаптацией (в основном не занят социально полез-

ным трудом: не работает и не учится и, как следствие, имеющий низкий уровень достатка), воспитанный в условиях насилия и жестокости, преимущественно не состоящий в брачных отношениях, имеющий в большинстве случаев родственную связь с жертвой преступления (отец либо отчим), не имеющий аномалий психики и в качестве мотивации преступных действий которого выступает желание «избавить себя от лишних забот», в большинстве случаев ранее не судим, а в случае наличия предыдущей судимости - совершивший преступление в течение 1 года с момента отбытия последнего наказания, освобожденный условно-досрочно, признающий свою вину. Среди детоубийц следует выделить преступников, которые наряду с вышеизложенными характеристиками обладают иными, свойственными им особенностями, ввиду специфики совершенного деяния. Так, отличительной особенностью матерей-преступниц, совершивших убийства новорожденных, является следующее. Преступник данной категории деяний – женщина, являющаяся матерью жертвы преступления, которая в 30% случаев совершает преступление в условиях психотравмирующей ситуации в трезвом состоянии (96,6% случаев). Характерной особенностью убийцы малолетнего лица является наличие, наряду с желанием «избавления себя от лишних забот», иных ярко выраженных мотивов: «благие цели» как продукт нездоровой психики, а также низменные мотивы (злость, ненависть (адресованные как жертве, так и ее родственникам, близким), а также в 43,5% случаев нахождение на момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения. Особенность убийцы несовершеннолетнего лица заключается в том, что основными мотивами совершения указанных преступлений, в отличие от убийства матерью новорожденного и убийства малолетнего лица, выступают низменные мотивы (злость, ненависть (адресованные как жертве, так и ее родственникам, близким). Кроме того, ярко выраженными являются корыстный мотив и потребность в удовлетворении половой страсти. В отличие от иных деяний, рассматриваемых в структуре детоубийств, характерной особенностью убийц несовершеннолетних является то, что это в основном ранее судимые лица, которые в 11,4% случаев совершают преступления в период времени до 6 месяцев после отбытия последнего наказания и в 31,1% случаев на момент совершения преступления пребывают в состоянии алкогольного опьянения.

С учетом изложенного, результаты проведенного исследования имеют не только теоретическое, но и практическое значение для правоприменительной сферы.

Список литературы

1. Герцезон, А. А. Уголовное право и социология / А. А. Герцезон. – М. : Юридическая литература, 1970. – 286 с. – Текст : непосредственный.
2. Павлов, В. Г. Некоторые структурные особенности личности преступника при совершении насилия в отношении несовершеннолетних / В. Г. Павлов. – Текст : непосредственный // XXI Царскосельские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2017. – С. 89-90.
3. Малков, В. Д. Криминология: учебник для вузов / В. Д. Малков. Изд.2-е перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2006. – 528 с. – Текст : непосредственный.
4. Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М. : Юристъ, 1996. – 172 с. – Текст : непосредственный.

5. Антонян, Ю. М. Перспективы криминологии / Ю. М. Антонян. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2019. – № 1(67). – С. 25-32.
6. Игнатов, А. Н. Биологические факторы детерминации насильственной преступности / А. Н. Игнатов. – Текст : непосредственный. // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 2. – С. 223-233.
7. Кудрявцев, В. Н. Криминология: учеб. / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – М. : Юристъ, 1997. – 512 с. – Текст : непосредственный.
8. Бурлаков, В. Н. Криминология: учеб. для юрид. вузов / В. Н. Бурлаков, В. П. Сальников. – СПб. : Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. – 235 с. – Текст : непосредственный.
9. Игнатов, А. Н. О биологической природе преступности / А. Н. Игнатов. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право. – 2016. – Вып. 1. – С. 63-73.
10. Кузнецова, Н. Ф. Криминология: учеб. / Н. Ф. Кузнецова – М. : Зерцало, 1998. – 208 с. – Текст : непосредственный.
11. Абызов, К. Р. Криминология: курс лекций / К. Р. Абызов, В. Г. Гриб, И. С. Ильин. – М. : Маркет ДС, 2010. – 352 с. – Текст : непосредственный.
12. Малков, В. Д. Криминология: Учебник для вузов / В. Д. Малков. Изд. 4-е перераб. и доп. – М. : Юстицинформ: Омега-Л, 2011. – 544 с. – Текст : непосредственный.
13. Бафия, Е. Проблемы криминологии / Е. Бафия ; перевод Н. А. Стручкова. – М. : Юрид. Лит., 1983. – 150 с. – Текст : непосредственный.
14. Долгова, А. И. Криминология: учебник для вузов / А. И. Долгова. – М. : НОРМА, 2010. – 1070 с. – Текст : непосредственный.
15. Антонян, Ю. М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности / Ю. М. Антонян. – М. : Камерон, 2006. – 304 с. – Текст : непосредственный.
16. Антонян, Ю. М. Некоторые отличительные психологические черты личности преступника / Ю. М. Антонян, В. П. Голубев, Ю. П. Кудряков, В. Г. Бовин. – Текст : непосредственный. // Личность преступника и предупреждение преступлений. Сб. научных трудов. – М., 1987. – С. 13-26.
17. Игнатов, А. Н. Понятие и общая характеристика личности преступника / А. Н. Игнатов. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 1. – С. 319-326.
18. Шурухнов, Н. Г. Криминалистика: учебное пособие / Н. Г. Шурухнов. – М.: Эксмо, 2005. – 718 с. – Текст : непосредственный.
19. Якушин, В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В. А. Якушин. – Текст : непосредственный. Тольятти : ТолПИ, 1998. – 296 с. – Текст : непосредственный.
20. Антонян, Ю. М. Преступность и психические аномалии / Ю. М. Антонян, С. В. Бородин. – М. : Наука, 1987. – 208 с. – Текст : непосредственный.
21. Игнатов, А. Н. Акцентуированная личность насильственного преступника / А. Н. Игнатов. – Текст : непосредственный. // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – Т.24. № 4 (79). – С. 471 – 478.

Shevchenko A. V. Criminal characteristics of filicide's person / A. V. Shevchenko // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – P. 270-282.

The article states that the filicide's person as well as criminal person is the one of the main category of criminology. According to the results of the study of criminal cases established some factors such as socio-demographic, psychological and criminal. The author identifies specific signs characteristic of infanticide in view of the impact of social-economic, psychological and other factors. It confirmed of results of empirical research. Established that law enforcement practice often ignores criminologically significant information of a psychological nature. Moreover in 70 percent of homicide cases not established fact of psychological traumatic situation and not fixed at procession documents. On the basis of the information received the conclusion was drawn about the ineffectiveness of conditional release to infanticide (82,9% persons re-committed infanticide). Analysis of the data of the study allowed to deduce the general criminological characteristics of filicide's person.

Keywords: infanticide, filicide's person, structure of filicide's person, motive of crime.

Spisok literatury`

1. Gercezon, A. A. Uголовное право i sociologiya / A. A. Gercenzon. – M. : Yuridicheskaya literatura, 1970. – 286 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
2. Pavlov, V. G. Nekotory`e strukturny`e osobennosti lichnosti prestupnika pri sovershenii nasiliya v otnoshenii nesovershennoletnix / V. G. Pavlov. – Tekst : neposredstvenny`j // XXI Czarskosel`skie chteniya: materialy` Mezhdunar. nauch. konf. Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. – 2017. – S. 89-90.
3. Malkov, V. D. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / V. D. Malkov. Izd.2-e pererab. i dop. – M. : Yusticinform, 2006. – 528 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
4. Antonyan, Yu. M. Psixologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenij / Yu. M. Antonyan, M. I. Enikeev, V. E. E`minov. – M. : Yurist`, 1996. – 172 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
5. Antonyan, Yu. M. Perspektivy` kriminologii / Yu. M. Antonyan. – Tekst : neposredstvenny`j // Obshhestvo i pravo. – 2019. – № 1(67). – S. 25-32.
6. Ignatov, A. N. Biologicheskie faktory` determinacii nasil`stvennoj prestupnosti / A. N. Ignatov. – Tekst : neposredstvenny`j. // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta e`konomiki i prava. – 2015. – № 2. – S. 223-233.
7. Kudryavcev, V. N. Kriminologiya: ucheb. / V. N. Kudryavcev, V. E. E`minov. – M. : Yurist`, 1997. – 512 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
8. Burlakov, V. N. Kriminologiya: ucheb. dlya yurid. vuzov / V. N. Burlakov, V. P. Sal`nikov. – SPb. : Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii, 1998. – 235 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
9. Ignatov, A. N. O biologicheskoy prirode prestupnosti / A. N. Ignatov. – Tekst : neposredstvenny`j // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 14. Pravo. – 2016. – Vy`p. 1. – S. 63-73.
10. Kuzneczova, N. F. Kriminologiya: ucheb. / N. F. Kuzneczova – M. : Zerczalo, 1998. – 208 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
11. Aby`zov, K. R. Kriminologiya: kurs lekcij / K. R. Aby`zov, V. G. Grib, I. S. Il`in. – M. : Market DS, 2010. – 352 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
12. Malkov, V. D. Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov / V. D. Malkov. Izd. 4-e pererab. i dop. – M. : Yusticinform: Omega-L, 2011. – 544 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
13. Bafiya, E. Problemy` kriminologii / E. Bafiya ; perevod N. A. Struchkova. – M. : Yurid. Lit., 1983. – 150 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
14. Dolgova, A. I. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / A. I. Dolgova. – M. : NORMA, 2010. – 1070 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
15. Antonyan, Yu. M. Pochemu lyudi sovershayut prestupleniya. Prichiny` prestupnosti / Yu. M. Antonyan. – M. : Kameron, 2006. – 304 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
16. Antonyan, Yu. M. Nekotory`e otlichitel`ny`e psixologicheskie cherty` lichnosti prestupnika / Yu. M. Antonyan, V. P. Golubev, Yu. P. Kudryakov, V. G. Bovin. – Tekst : neposredstvenny`j. // Lichnost` prestupnika i preduprezhdenie prestuplenij. Sb. nauchny`x trudov. – M., 1987. – S. 13-26.
17. Ignatov, A. N. Ponyatie i obshhaya xarakteristika lichnosti prestupnika / A. N. Ignatov. – Tekst : neposredstvenny`j // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2019. – T. 5 (71). № 1. – S. 319-326.
18. Shuruxnov, N. G. Kriminalistika: uchebnoe posobie / N. G. Shuruxnov. – M.: E`ksmo, 2005. – 718 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
19. Yakushin, V. A. Sub`ektivnoe vmenenie i ego znachenie v ugolovnom prave / V. A. Yakushin. – Tekst : neposredstvenny`j. Tol`yatti : TolPI, 1998. – 296 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
20. Antonyan, Yu. M. Prestupnost` i psixicheskie anomalii / Yu. M. Antonyan, S. V. Borodin. – M. : Nauka, 1987. – 208 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
21. Ignatov, A. N. Akcentuirovannaya lichnost` nasil`stvennogo prestupnika / A. N. Ignatov. – Tekst : neposredstvenny`j. // Psixopedagogika v pravooxranitel`ny`x organax. – 2019. – T.24. № 4 (79). – S. 471 – 478.
6. Vishneveczkij, K. V. Klassifikaciya viktimmnosti / K. V. Vishneveczkij. – Tekst : neposredstvenny`j // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. – 2014. – № 2. – S. 417-418.
7. Kvashis, V. E. Osnovy` viktimologii. Problemy` zashhity` prav poterpevshix ot prestuplenij / V. E. Kvashis. – M. : Nota Bene, 1999. – 280 c. – Tekst : neposredstvenny`j.
8. Frank, L. V. Viktimologiya i viktimmnost` / L. V. Frank. – Dushanbe : Irfon, 1972. – 113 s. – Tekst : neposredstvenny`j.

9. Stukolova, L. S. Teoreticheskie aspekty` instituta viktimnoj psixologii v sovremennoj nauchnoj polemike / L. S. Stukolova. – Tekst : neposredstvenny`j // Nauchnoe mnenie. – 2014. – № 10-2. – S. 80-84.
10. Otchet o chisle osuzhdenny`x po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii (2013-2018 gg.). Forma № 10-a. / Sudebny`j departament pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii : [sajt]. – 2020. – URL: <http://www.cdep.ru> (data obrashheniya: 11.01.2020). – Tekst : e`lektronny`j.
11. Viktimologiya: monografiya / D. V. Rivman, V. S. Ustinov. – N.Novgorod : Nizhegor. jurid. in-t MVD Rossii, 1998. – 210 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
12. Telegina, E. G. Viktimologicheskaya charakteristika lichnosti poterpevshego ot zhenskoj nasil`stvennoj prestupnosti / E. G. Telegina. – Tekst : neposredstvenny`j // Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii. – 2016. – № 9 (9). – S. 62-65.
13. Akulov, V. I. Administrativny`e formy` i metody` profilaktiki detskogo dorozhno-transportnogo travmatizma (na primere Chelyabinskoj oblasti) / V. I. Akulov, A. S. Melexin. – Tekst : neposredstvenny`j. // Administrativnoe i municipal`noe pravo. – 2010. – № 12. – S. 45-49.
14. Czarakova, A. P. Viktimologicheskie aspekty` preduprezhdeniya dorozhno-transportny`x prestuplenij: special`nost` 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel`noe pravo» : dis. na soisk. ...kand. jurid. nauk /Czarakova Anna Pavlovna ; Mosk. in-t MVD Rossii. – M., 2009. – 245 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
15. Belozеров, R. V. Dorozhno-transportny`e prestupleniya i rol` organov vnutrennix del v ix preduprezhdenii: special`nost` 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel`noe pravo» : avtoref. dis. na soisk. ...kand. jurid. nauk / Belozеров Roman Valer`evich ; S.-Peterb. un-t MVD RF. – SPb., 2009. – 32 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
16. Kuz`menko, D. O. Kriminologicheskij analiz dorozhno-transportny`x prestuplenij, svyazanny`x s naezdami na peshexodov: special`nost` 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel`noe pravo» : avtoref. dis. na soisk. ...kand. jurid. nauk / Kuz`menko Dmitrij Olegovich ; Tamb. gos. un-t. im. G. R. Derzhavina – Tambov, 2009. – 26 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
17. Yurpalova, D. N. Viktimologicheskij analiz dorozhno-transportny`x prestuplenij, sovershaemy`x voditelyami-zhenshhinami / D. N. Yurpalova. – Tekst : neposredstvenny`j. // Obshhestvo i pravo. – 2014. – № 1 (47). – S. 136-139.
18. Nikitin, E. V. Problemy` viktimnoj bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya / E. V. Nikitin. – Tekst : neposredstvenny`j. // Viktimologiya. – 2015. – № 4 (6). – S. 46-50.